

более подробную разработку двух последних строк предыдущего стихотворения «Книга»: из цитированных выше текстов Симеона Полоцкого видно, что его творческой манере писателя-просветителя, писателя-педагога свойственно повторное обращение к теме, однажды изложенной кратко, как бы конспективно. Впрочем, эта черта встречается и у более поздних русских поэтов. Гораздо интереснее в стихотворениях «Книга» и «Мир есть книга» то, как самостоятельно разработана в них тема. Следует напомнить, что идея их принадлежит не Симеону Полоцкому, а взята им, как и многие другие темы его поэтического творчества, из западноевропейских источников.¹⁸ В книге одного из наиболее начитанных европейских литературоведов XX в. покойного проф. Э. Р. Курциуса (Бонн) «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter», в главе «Das Buch als Symbol», сделаны тщательные разыскания о том, как в средневековой латинской литературе возник образ «мир как книга». Автор приходит к выводу, что «представление о мире или о природе как „книге“ появляется в церковном красноречии, затем воспринимается мистико-философскими созерцателями средневековья и, в конце концов, становится достоянием общего языкового употребления».¹⁹ И как это ни странно для такого пунктуального автора, как проф. Курциус, он не приводит ни одного раннего текста, в котором бы прямо содержалась формула «мир есть книга».

Другой образованнейший литературовед нашего времени, проф. Д. И. Чижевский (Гейдельберг), в статье «Das Buch als Symbol des Kosmos», написанной в дополнение к соответствующей главе книги проф. Курциуса, утверждает, что «книгу как символ мира мы встречаем у Оригена, Афанасия, Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, в средние века — у Винченца из Бовэ, Бонавентуры, Бертольда Регенбургского, Вильгельма Коншского и т. д.».²⁰ Ряд этих авторов — как учителей церкви, так и средневековых — безусловно был известен Симеону Полоцкому, так что едва ли возможно утверждать, что идею «мир есть книга» он взял у какого-то одного из своих предшественников. Однако развитие этого образа — перечисление «пяти листов пространных», из которых состоит «мир — книга», а именно неба и четырех стихий (огня, воздуха, воды и земли), — по-видимому, принадлежит самому Симеону Полоцкому. Во всяком случае так можно предполагать, пока не будут проверены те источники, которые перечислены в приведенной выше цитате из Д. И. Чижевского и в других местах его статьи.

Если несомненный интерес представляют стихотворения Симеона, идея которых только развита им или просто переложена им в стихи, то естественно, что не менее интересны для нас его самостоятельные произведения, в частности те, в которых Симеон опять-таки обращается к теме книги. В этом отношении следует выделить заключительное стихотворение к своеобразной «поэме» Симеона Полоцкого «Гусли доброголасная» (1676), озаглавленное «Желание творца». В комментарии к этому произведению И. П. Еремин первый отметил, что это — «одно из наиболее замечательных „программных“ стихотворений Симеона».²¹ К сожалению, «программность» «Желания творца» была настолько опасна в те времена, что автор не рискнул включить это стихотворение в подносный экземпляр

¹⁸ Об источниках Симеона Полоцкого см.: О. І. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. І. Давня українська і давня російська літератури. Київ, 1965, стр. 371—449.

¹⁹ E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2. Aufl. Bern, Francke, 1954, стр. 325.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. S. Gravenhage, Mouton, 1956, стр. 89.

²¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 264.